

ФИЛОСОФИЯ НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Тем, кто внимательно изучил предыдущий урок, несложно согласиться с мнением прот. Василия Зеньковского, который утверждал, что именно **Вл. Соловьев явился тем человеком, который вдохновил и дал начало, а кое-что даже и развил, что затем оформилось в движении так называемого «нового религиозного сознания»**. В конце XIX и в начале XX столетия в России мы видим очень заметное оживление религиозных исканий. Нужно отдать должное в этом отношении Соловьеву, который вопреки духу нигилизма, который царствовал в это время в среде русской интеллигенции, в печати и в самой атмосфере жизни, он решительно начал защищать религию, как таковую. Не взирая на все нападки и критику по своему адресу, он смело выступил против «самого» Льва Толстого в защиту историчности Воскресения Христа. И вот благодаря этой невероятно кипучей деятельности, в конце XIX века происходит своего рода перелом. Интеллигенция бросается в объятия религии. И в связи с этим возникло особое религиозно- философское движение под названием **«религиозного ренессанса»**. Это движение охватило достаточно широкие круги интеллигенции и носило свое выражение в самых разнообразных формах культурной жизни: в искусстве, литературе и живописи, а также в философско-религиозной мысли. При поверхностном взгляде это должно бы было радовать. Нигилизм решительно перечеркивался, и религиозные искания делали Евангелие очень близким тем, кто искал Истину. Однако нужно сказать, что **прот. Георгий Флоровский** вот этот период истории, который традиционно называют русским религиозным возрождением, охарактеризовал иначе : **« В русском развитии, это один из самых западнических эпизодов»** («Пути русского богословия» стр.492).

Почему такая убийственная характеристика? Казалось бы, возрождается истинная вера. Исконная близость творцов культуры к её первоисточкам, которые продолжает хранить Церковь, наконец, объявила себя! Флоровский усматривает в этих исканиях невероятно мощное влияние западной философской и религиозно- философской мысли. Нам необходимо понять, что сделал Вл. Соловьев в пространстве нашей отечественной философской мысли. Мы говорим о западничестве и славянофильстве. В своих исканиях и в своем противостоянии западнической идеологии, славянофилы положили основание новой, самобытной, неслыханной философии центр которой (*гносеологию*) составило христианское православное святоотеческое учение . Именно святые отцы были источником религиозно-философских идей славянофилов. Но вожди славянофилов (Хомяков и Киреевский) очень рано скончались, а их последователи (Самарин, Аксаковы, Данилевский) оказались уже не того уровня, и вот тогда появилась фигура Вл. Соловьева . И он сделал ужасное дело. Вот то изумительное начало – возможность построить философскую систему на основе святоотеческого учения, было перечеркнуто. Он опять повернул философскую мысль России на пути разума (**«vece ratio»**). Мы уже приводили его слова о том, что **« разум должен быть прежде всего и выше всего»**. Что сама вера отцов нуждается в оправдании . Не на доверии отцам Церкви нужно строить философскую систему, а необходимо оправдать их веру с помощью разума. Соловьев повернул русскую философскую мысль на методологию уже опробованную в Западной Европе и укоренившуюся в европейской философии. Таким образом, **ratio** опять становится высшим критерием познания. Не христианское учение, не соборный авторитет отцов, а индивидуальный (падший) человеческий разум. То, что родилось и укоренилось на западе, Соловьев воспринял в русскую философскую мысль. Потому прот. Георгий Флоровский и говорит, что это «один из самых западнических эпизодов в русской мысли». Соловьев идет по пути протестантского понимания всех философских вопросов, и потому так называемое «русское религиозное возрождение» или **«новое религиозное**

сознание» и далее пошло в этом русле. Оно условно может быть названо «новым», так следует за славянофильским периодом в отечественной философии, но оно далеко не новое в истории философии, а полностью воспроизводит западноевропейские традиции философской мысли, начатые эпохой Реформации.

Что из себя представляет это «новое религиозное сознание»?

Во- первых, главные его представители. Их имена у всех на слуху: вождем был Дм. Мережковский (не забывая о его супруге Зинаиде Гиппиус), Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Василий Розанов, публицист Дм. Философов, журналист Вл. Миролюбов, чиновник Святейшего Синода Валентин Тернавцев, и кроме того поэт Ник. Минский, художники Александр Бенуа и Лев Бакст, искусствовед Сергей Маковский и многие- многие известные в России деятели.

По своей методологии идеи, обсуждаемые в среде этого нового религиозного движения , носили упомянутый протестантский характер. По содержанию же , это была какая- то странная, дикая смесь христианства с язычеством. Её хорошо выразил Дм. Мережковский, когда он заявил о том, что в силу специфичности православного учения Церкви произошло решительное разделение между религией , с одной стороны, и миром (мирской жизнью) с другой. В результате, Церковь и мир оказались на таком расстоянии друг от друга, что уже не слушали один другую и не слышали. Мережковский выразил свою мысль, приведя два сравнения, которыми ёмко обозначил эти два начала. Он назвал их **Олимпийским началом** (то есть – мир) и **Галилейским началом** (то есть Христианство). Первое он обозначил, как «святость плоти», а второе, как «святость духа». И если хотите, всё его мировоззрение тогда и позднее (да и вообще мировоззрение всего этого движения) заключалось в противопоставлении Эллады (*апполонизма*) и Иерусалима (*христианства*). Они бросали Церкви в лицо обвинение в крайнем аскетизме, который, с их точки зрения, из средства превратился в цель. В результате произошло отрицание плоти, игнорирование всех интересов человеческой жизни связанных с его пребыванием в этом материальном мире (в области всех культурных ценностей и «завоеваний разума» в науке, искусстве, философии). Отсюда делался вывод о том, что новое религиозное сознание потому является «новым», что оно **«ждет нового откровения Святого Духа»**.

О чем идет речь? Мысль совершенно ясна. Есть Откровение Ветхого Завета, и есть Откровение Нового Завета. Ветхий Завет рассматривался ими, как своего рода «плоть», где превалировала внешняя , законническая сторона. Новый Завет – это иная крайность. Здесь всё внимание обращено на Дух и совершенно игнорируется плоть. Отсюда – глубокомысленнейший вывод о том, что должно быть ещё одно Откровение Божие – **Третий Завет, в котором произойдет гармония между плотью и Духом.** « В Третьем Завете и плоть и дух найдут своё освящение». **« В Новом Третьем Завете будут соединены и Первый Завет – бывший в царстве плоти, и Второй Завет – представляющий собой исключительно царство духа. Ныне же религиозное сознание человечества восходит на эту ступень. Христианство кончается, потому, что до конца исполнилось, подобно тому, как Закон и Пророки исполнились к пришествию Христа. Христос не нарушил, а исполнил Закон, так и Дух в Третьем Завете не нарушит , а исполнит Христианство».** «Персоной Ветхого Завета был Моисей, Второго – Христос – Сын Божий Воплощенный, а Третьего – непосредственно Сам Бог. **Дм. Мережковский «Не мир, но меч».**

Последователи философии нового религиозного сознания считали, что вся земная жизнь человека должна быть посвящена религиозным поискам. Идея сама по себе прекрасная, но за ней стоит резкое отрицание того видения жизни, о котором говорит христианская Церковь. Поэтому, они решительно **заявляли о конце христианства.** Его «исполнила» в смысле « восполнила» (греч. «плирома») религия Духа – Третий Завет.

В своей книге **«О новом религиозном сознании» Н. Бердяев** писал: **«Мы зачарованы не только Голгофой, но и Олимпом. Зовёт и привлекает нас не только Бог Страдающий, умерший на кресте, но и бог Пан, бог стихии земной и – древняя богиня**

Афродита» . « *В золотых наших снах нам грезится не только небо населенное бесплотными духами, но и преображенная земля, одухотворенная плоть, грезится природа одушевленная фавнами и нимфами*». До какого экстатического безумия нужно докатиться, чтобы говорить серьёзно о таких «псевдо- онтологических» сущностях!? Здесь Бердяев прямо противостоит известным словам св. апостола Павла : «**Какое общения у света со тьмой, у Христа с Велиаром?**»(). Гипноз античности был настолько велик, что Бердяев , по его собственному признанию, видит и в язычестве и в христианстве одно и то же Божественное Откровение. Как раз в этот же период подобные мысли высказывал **о. Павел Флоренский**. Суть их такова : « **Религиозная языческая мысль, в части понимания Бога и смысла человеческой жизни предвозвещает нам того же Христа, о котором говорит христианство**». На самом деле, в религиозных языческих исканиях, бесспорно, присутствовало стремление к истине. Лучшие из язычников искали, стремились и так, как они понимали эту истину – выражали её. Но одно дело вот это стремление, и совсем другое- те результаты, итоги этого стремления. Представления о Боге носило настолько смутный характер, что по сравнению с христианским Откровением – просто детский лепет. В язычестве были представления о Триадах богов, но по существу можно ли всё это сравнить со Св. Троицей? То же и о воплощении Христа. Сравним ли образ и смысл пришествия в мир Бога с теми воплощениями языческих богов («олимпийцев»), которые игрались человеком. Мы должны объективно свидетельствовать всё то, к чему пришли язычники путем естественного богопознания, и сравнивая, убедиться как разительно всё это отличается от евангельского благовестия. Там были грёзы и мечтания, а здесь явилась сама Реальность. **Св. Иустин Мученик** писал, что « **языческая философия была лишь пестуном, детоводителем ко Христу, но совсем ещё не знала Христа, как такового**». В этом принципиальное отличие, которое необходимо всегда помнить. Кроме того, что в язычестве, в том числе и античном, было очень много откровенного демонизма.

В конце 1901 года Мережковский (с подачи супруги) предложил идею религиозно-философских собраний на которых был бы возможен свободный обмен мнениями касающихся особенно животрепещущих тем современной веры и жизни. Синод посчитал эти встречи возможными с апологетической точки зрения, и они проводились вплоть до Революции 1905 года в Санкт-Петербурге под председательством еп. Сергия (Страгородского), бывшего тогда ректором Духовной Академии. Вначале, эти собрания вызвали большой интерес и симпатию, а затем , начались «парения лжеименного разума». Интеллигенция возомнила о себе, что она всё может познать. Интеллигенция мастерски владеет логикой, и в результате рождаются дикие, с религиозной точки зрения, вещи. Один из её представителей заявляет : « Антихрист – это не человек, не существо. Это – фантом, призрак». Почему? И далее он, как ученый, рассуждает строго логично: « Зло не имеет бытия. Антихрист – воплощение зла. Следовательно – Антихрист призрак и фантом». Перед нами великолепная иллюстрация того, что вскоре началось на этих религиозно-философских собраниях. Именно эти встречи и породили то, что позднее оформилось в движении нового религиозного сознания». Анализируя выступления их участников, мы начинаем понимать, почему диалог, наметившийся между Церковью и мыслящей частью общества, так и не сдвинулся с мертвой точки. Люди просто привыкли уже жить одним рассудком и похотением, когда они собирались в салонах (напр. у Мережковских), пили вино, курили сигареты, общались с дамами и рассуждали о вещах божественных. Это очень напоминает нам нынешние протестантские «межхристианские» собеседования, когда на столах стоит пиво, а над столом прибит лозунг из Евангелия : «Где двое или трое собраны во имя Мое...». И когда после очередного глотка кого-нибудь вдруг осеняет : «ба! Да между нами же Христос!» Это мирское начало стало определять себя, как начало духовное, когда оказалось, что никто из числа интеллигенции не хочет признавать каких-то церковных устоев, церковных определений. А ведь не случайно Церковь именует

определения Вселенских Соборов словом «оросы». «Ори», - греч. значит «предел», «граница». *Далее рассуждать и не дай Бог исповедовать иначе – опасно, смертельно для твоей души, человек.* Вот этого, как раз и не признаёт интеллигентская мысль. Это самый её страшный враг – несвобода. **Никаких границ, никаких оросов!** Из-за этого и закончились собрания, не принеся никаких ощутимых результатов. Церковная богословская мысль говорит : **«нет богословия без принципов»**, а интеллигентская философия возражает: **«принципы – это стеснение свободы»**. «О, дайте, дайте мне свободу» и не мешайте жить так, как вздумается. Я – критерий истины, как у Протагора : «Человек – мера всех вещей». Отсюда такое сознание и такая специфическая философия.

Потому и писал Н. Бердяев : **« Мы ищем Церковь, в которую вошла бы вся полнота Церкви, весь мировой опыт, всё ценное в мире. В Церкви должно быть всё наше дорогое, наша любовь, наша любимая поэзия, наше творчество, отлученное от Церкви в старом религиозном сознании. Все наши великие мирские люди, все наши приподымающие порывы мечты. Не одна из существующих исторических церквей не заключает в себе полноты откровения и мир идет к Вселенской Церкви, жаждет освятить в ней свою жизнь»**. Это же прямое продолжение того, о чем писал Вл. Соловьев, когда свидетельствовал о своем понимании церкви.

В 1980-х годах в журнале « Вестник РХСД», выходящий в Париже опубликовал интервью с **прот. Александром Менем**, который выступая перед интеллигентской еврейской аудиторией, **на вопрос о том, каких ориентиров придерживаться в духовной жизни – католических или православных**, ответил : **«Конечно, католическая церковь ближе нашему еврейскому духу. Но я бы посоветовал вам ориентироваться не на католическую и не на Православную Церковь, а на Единую Церковь будущего»**. Читая это, мы понимаем, что бердяевско-соловьевские идеи живут и в наши дни.

Журналист «серебряного века» **Дм. Философов** писал : **« Когда-то соскабливая с пергаментных свитков жития святых, гуманисты открывали под ними бледные знаки от Горация, теперь наступило время под знаками современной культуры найти их религиозную вечную основу. Надо выявить в завоеваниях человеческого знания и человеческой боли абсолютную правду Христа. Она теперь не в исторических церквях и не в миру. Вернее там и тут, надо только возродить ее в нашем сознании. Ощутить ее поступательное движение в истории и в этом главная задача будущего»**.

Но основным чувством, объединяющим представителей всего этого движения, было чувство протеста против существующей Церкви. **Бердяев** это выразил предельно откровенно: **«Я иду против той старой, омертвевшей Церкви и освящаемой этой Церковью государственности»**. Оснований для такого порыва у Бердяева было очень много, ибо Православная Церковь в России была в состоянии удушения, притеснения и унижения «под видом лукавого о ней попечения».

Следующая идея, которую возвещали эти философы, касалась их пантеистических взглядов относительно происхождения мира и Бога. **Мережковский** пишет : **«Весь мир – есть целое живое, целое животное. Может быть и божественно живое, божественно животное. Бог – это зверь»**. В этом афоризме он выразил ту пантеистическую идею, которая присутствовала в его сокровенных мечтах - достичь синтеза христианства и язычества. **« И зло и благо, два пути , ведут к единой цели оба... И всё равно куда идти»**. Да, в теплом, уютном салоне, со всем тем, что там их окружало, под защитой государства (армии и полиции), легко так рассуждать. Легко говорить, пока сам не испытал на себе всю силу этого зла. .. Это какое-то бесчувствие и сердца и ума, и просто откровенный сатанизм.

Для нового религиозного сознания вся церковная жизнь представляла собой ни что иное, как некую эстетичную форму, пёструю обертку в которой ничего нет. Они хотели это утраченное содержание положить. По их мнению, Церковь недостаточно восполняет потребности человеческого духа в разных областях социума. Особенно ощутимо

отсутствие церковного участия и церковного учения в области науки, искусства, культуры. Где Церковь? Почему ее нет в этих областях? Церковь полностью оторвала от себя эту богатейшую сокровищницу духовной жизни. Ей надо эти эстетические порывы и творческие искания человека не подавлять, а воодушевлять.

Здесь мы сталкиваемся с их неверным, убогим толкованием Евангелия, которое часто можно встретить в миру. Например, в **притче о талантах**. Понимая таланты, как индивидуальные способности человека, как творческие потенциалы личности, они обвиняют Церковь в том, что она прославляет людей отказавшихся от реализации этих талантов, то есть, - подвижников, пустынников, аскетов. К слову, в миру постоянно приходится сталкиваться с таким грубым пониманием этой притчи. А на самом деле она имеет совершенно другое понимание, и таланты в ней имеют совершенно иное значение. Понимание этой притчи, как и всех прочих сказанных Христом имеет непосредственное соотношение к той миссии, которую Он выполнил. Христос – есть воплощенная Истина. И каждый человек, при рождении получает от Бога, как дар – способность искать и приходить к этой Истине. Но одни получают этот дар в большем количестве, иные меньше, а некоторые самую малость. Каждый получает различную степень ревности в искании Истины. Например, мы знаем, что Свт. Николай или преп. Серафим, или свт. Игнатий Брянчанинов, они чуть ли не от чрева матери были погружены в это стремление к Богу, к молитве. Другие же, в большинстве случаев такого не имели. Это поразительный духовный дар. Те люди родились с пятью талантами. У других – меньше, у некоторых почти не замечается. Но этот талант ревности и искания чистоты дан каждому. Вот что Христос имел в виду под талантами, а не чисто человеческие свойства, касающиеся его деятельности – творчества и культуры.

Так вот, как раз представители нового религиозного сознания ничуть не сомневаются в том, что таланты, данные человеку, они и являются тем началом, которое можно назвать божественным и потому требующим своей реализации.

Еще одним важным вопросом, который затрагивали эти философы, **это вопрос пола**. **Бердяев** ставит христианству сразу в вину тот факт, что в Православии и в христианстве в целом «был отравлен пол». Что он под этим понимал? Но вначале короткая цитата: *«Могущественная половая любовь была загнанна внутрь т.к. ей отказали в благословении. Она стала только слабостью, стыдом, почти грязью. Если кто говорит, что христианство освящает семью, тот лжет и лицемерит. Христианской семьи быть не может»*. Такое грозное обвинение в лицо Церкви он бросает с *статье «Христос и мир»*.

По этому поводу есть очень интересное исследование **Н.П.Розанова «О новом религиозном сознании»**, где он приводит все эти цитаты со ссылками. Идея пола очень угнетала и раздражала этих мыслителей. Возможно, тому были свои субъективные и объективные психологические причины, но сам этот вопрос неоднократно вставал перед русской религиозной мыслью. Вставал он потому, что исторически сложилось так, что высшим идеалом духовной жизни всегда рассматривалась жизнь монашеская, аскетическая. То есть образцом человека, были те люди, которые по причинам высоких сверхтребований отрицали семью и брак. В какой степени это справедливо? Дело в том, что по той цели, к которой он был призван, первоначальный человек имел **другую природу**. У святых отцов встречается мысль, что хотя и была дана заповедь первым людям «плодитесь и размножайтесь», тем не менее, сам способ осуществления этой заповеди был бы совершенно иным, если бы не было грехопадения. Способ духовный, а не подобный всем скотам земным. Вот этот способ, который возник после грехопадения, был ни чем иным, как серьезным искажением человеческой природы. Отсюда возникают две несовместимые реальности. Мы знаем, что монашество рассматривается, как идеал вышеестественный, но в то же время мы знаем, что есть целый ряд Соборных постановлений, которые основываются на словах св. ап. Павла : **«брак**

чист и ложе нескверно» (), и говорит о том, что **«Анафема да будет тому, кто уклоняется от брака не из подвига, а по гнушению»**. Здесь сталкиваются две идеи.

Первая мысль говорит о том, что идеальное бытие человека, конечно, выше этих земных вещей, но в то же время реальное положение вещей таково, что лучше жениться, нежели вожделеть. Поэтому Церковь, нисколько не осуждая брак (более того, возводит его в достоинство Таинства), в то же время указывает человеку, что это его состояние не является высшим. Есть более высокое – вышеестественное состояние – это – девство, монашество.

Такое святоотеческое понимание вопроса пола дает Церковь. Другим важным моментом здесь является свидетельство всех религий, где есть элемент аскетики (и буддизм, и суфии, и брахманизм), что **невозможно человеку достичь тех духовных даров и величайшего блаженства, если он находится связанный брачными узами**. Духовный закон таков, что эти две вещи несовместимы между собой. Праведники были всегда , и среди них многие находились в состоянии брака, но для достижения состояния совершенства необходимо одиночество. Видимо чисто психологически, эмоционально, семейная жизнь отнимает у человека значительную часть энергии, в результате чего он становится неспособен к **«одухотворению своей плоти»**, ибо христианство прямо утверждает, что одухотворяется не только душа, но и тело человека. Во время молитвы тело может оторваться на какое-то расстояние от земли (преп. Мария Египетская), перейти реку по -суху, просиять лицом (преп. Серафим). Но такого состояния достичь невозможно тем, кто находится в браке. История Церкви знает о двух случаях, происшедших с преп. Антонием Великим и преп. Макарием Великим, когда нам может показаться, что в миру возможно пройти этот путь и достичь вышеестественного состояния. Антоний (как в свою очередь и Макарий) посчитал, что он уже достиг той степени смирения, которая делает человека достойным спасения. Подвиги двух этих святых, их аскетическая жизнь, видимо подсознательно, и, наверное, в чем-то даже сознательно, уже вселяла в них мысль о собственном совершенстве. Бог велел им прийти из пустыни в Александрию (Антонию к сапожнику, а Макарию к двум сестрам) и, указав на этих мирских людей, смирить их гордыню. Это была своего рода божественная педагогика и божественная милость, поскольку там, где нет смирения, не может быть и никакого духовного развития и совершенства. Но это ведь совсем не значит, что эти миряне (сапожник и две сестры) были очищены от страстей более, чем преп. Антоний и преп. Макарий, хотя мера их смирения оказалась поучительной, для двух этих подвижников. По слову **свт. Игнатия Брянчанинова** : **«Самые роскошные и прекрасные цветы, возможно вырастить только в оранжереях. Но они не способны жить в условиях полевых»**. Монашеский образ жизни дает человеку возможность достичь таких духовных высот, какие невозможны в миру, семье, где много суеты, забот, где нет возможности, в силу этого, очиститься от страстей. Таково понимание брака и девства в христианстве. Бердяев, конечно, этого не понимал и так и не понял. Вообще, все эти деятели были людьми насквозь мирскими. Они совершенно не знали и просто не принимали во внимание наследие святых отцов Церкви. **Бердяев**, фактически повторял ту же иронию Соловьева относительно мистического опыта Православия, когда говорил об афонских подвижниках: **«смотрят себе на пуп и созерцают свет Фаворский»**. Эта насмешка прекрасно выявляет всё то понимание духовной жизни, которая присутствовала в этих людях.

Ещё один момент – это их оценка Церкви в её отношениях с государственной властью. Эти взгляды очень точно можно определить термином «религиозно-обоснованный анархизм». Эти годы были временем определенной даже моды на анархизм. Им достаточно широко увлекались не только профессиональные революционеры , эсеры, но и достаточно вегетарианская т.н. «мыслящая» интеллигенция. Идеи анархизма проповедовал Лев Толстой, связывая их со своей теорией непротивления злу насилием. Вся атмосфера начала века была пронизана этой мыслью. Просто

удивительно, что буквально следом по стране прокатилась кровавые Первая революция, мировая война, Вторая (февральская) и следом перманентная Октябрьская с гражданской войной, унесшие почти миллиард человеческих жизней.

Апологеты анархизма утверждали идею ненужности государства, как такового, так как оно закрепощает человека, стесняет его творческие порывы. **«Власть основанная на насилии (а власть не может быть без силы, ибо это атрибут власти), - это есть порождение Антихриста, зверя из бездны»** - писал **Мережковский**. Поэтому твердая позиция Церкви выражаемая лояльностью этой власти, и даже рассматривающую государство, как одно из «удерживающих»() сил, которая не дает возможности развиваться полному анархизму, так называемой «псевдосвободы» в человеческом обществе, всё это вызывало раздражение у представителей мировоззрения нового религиозного сознания.

«Наша бесконечная надежда, только в нашем бесконечном политическом отчаянии. Только там, где кончается абсолютное государство, начинается абсолютная религиозная общественность. Лишь насильственный переворот в жизни государства, если он только будет основан на религии, может стать началом новой совершенной жизни»- писал **Мережковский**. Это удивительно мощные истоки будущей русской революции и последующего передела мира. Мережковскому вторит его соратник **Мейер** : **« Должен наступить распад, безумие и счастье, воскресение и смерть. Тогда из под тяжких оков права и морали высвобождается истинное творческое общение людей»**. Эта очевидная и откровенная проповедь полного произвола в свете будущего крушения всякой государственности говорит сама за себя.

Ещё одной темой, столь часто обсуждаемой мыслителями нового религиозного сознания был вопрос об адских вечных муках. Глубочайшее раздражение у них вызывало церковное учение об аде и о загробной участи грешников. Они утверждали, что Церковь запугивает человека и превращает его в своего раба. **«Мы не можем вынести той мрачной, темной идеи, что гибель ждет столь многих дорогих нам творцов культуры. Можно ли примириться с тем, что Гёте погиб и его постигли адские муки? Допустимо ли, что Платон, живший до Христа и не знавший Церкви Ветхозаветной, не попал в мистический круг Церкви и не занял в Царстве Божиим одно из первых мест?»** - пишет **Бердяев**, и показывает этим полное непонимание церковного учения о загробной участи человека. Списав с лубочных картинок загробную жизнь, он приписывает их Церкви и делает такие абсурдные выводы. Он представляет себе, будто бы Бог возьмет этого Гёте, или Платона, и посадит на сковородку. И это пишет тот человек, который всему миру заявлял, что никто другой как он поставил идею свободы знамение всей философской мысли. Он даже не понимает того, что не то что муки, но даже само спасение не возможно без свободы человека. Сам Бог не может «спасти нас без нас». Тем более «нас без нас» Он не отправит в преисподнюю. Бердяев не понимал, что свобода человека определяет быть ему с Богом или без Бога, вне Бога.

Если попытаться подвести некоторый итог, то можно сделать следующий вывод: Представители нового религиозного сознания, не желая порвать общение со «старой» Церковью (т.е. Православию), решительно этой Церкви противостоят. **Бердяев** пишет : **«Нас всех со старой Церковью соединяет общая вера в Христа»**, поэтому он убежден, что компромисс между Церковью и новым религиозным сознанием еще возможен только на почве изменения, переделывания «старой» Церкви от всех ненормальных явлений и характеристик, которые ей присущи. Он с иронией пишет: **«Церковь оградила себя от мира тою канавкою (видимо, намекая на преп. Серафима), и поэтому она ничего не понимает и ничего не может сделать в этом мире»**.

Можно вполне понять, что Церковь, находящаяся в том современном Бердяеву состоянии была действительно, как Церковь-организация, в достаточно печальном состоянии. Об этом писали не только внешние ей критики, но и многие иерархи внутри её. Но ведь Бердяев и иже с ним подвергали критике не отдельные негативные явления и недостатки

церковной жизни. Они пытались идейно уничтожить сам принцип жизни Церкви, которая основана на словах Христа **«созижду Церковь мою, и врата ада не одолеют её»** (). Они считали, что Церковь должна уступить место новому Третьему Завету. Эра Христа кончилась, началась эра Духа. Они говорили о новой церкви, которая включит в себя все те общечеловеческие ценности, которыми питается наука, философия, искусство, литература, культура. И вот это соединение ценностей, которое обращает внимание только на интеллектуальную форму деятельности, с религией будет тем **«высоким синтезом, который должна явить новая церковь святого духа»**. Оценивая состояние современного христианства в Западной Европе, не видим ли мы воплощение этих бессмертных антихристианских идей?

Те «метафизические высоты», с каких Мережковский взирал на фашистских лидеров, зачастую приводили к неразличению «добра» и «зла» в «земной» плоскости, к желанию навязать диктаторам роль «божественных мессий», которым предстоит «святой долг» борьбы с «антихристом» – большевистской опасностью – ради «подготовки» мира к пришествию тысячелетнего «Царства Св. Духа», к воплощению в жизнь утопического проекта писателя. В 1936 Мережковский получает стипендию от правительства Муссолини для работы над книгой о Данте и принимается – как оказалось, вновь безрезультатно – убеждать «дуче» начать «священную войну» с Советской Россией. В одном из писем Мережковского Муссолини встречаются более чем красноречивые слова: «...лучшее из всех свидетельств о Данте, самое правдивое и самое живое – это Вы. Дабы понять Данте, надо им жить, но это возможно только с Вами, в Вас... Ваши души изначально и бесконечно родственны, они предназначены друг для друга самой вечностью. Муссолини в созерцании – это Данте. Данте в действии – это Муссолини...». Возможная победа Гитлера над сталинизмом пугала Мережковского меньше, чем поражение Европы большевиками. И в 1939 Мережковский выступает по парижскому радио с приветственной речью Гитлеру, в которой он сравнивает «фюрера» с «Жанной д'Арк, призванной спасти мир от власти дьявола». «Он ощущал себя предтечей грядущего Царства Духа и его главным идеологом... Диктаторы, как Жанна д'Арк, должны были исполнять свою миссию, а Мережковский – давать директивы. Наивно? Конечно, наивно, но в метафизическом плане, где пребывал Мережковский, «наивное» становится мудрым, а «абсурдное» – самым главным и важным; так верил Мережковский», – отмечал в своих воспоминаниях Ю.Терапиано.

И тем не менее русская эмиграция не поняла и не приняла политической позиции Мережковского – писатель был подвергнут бойкоту. Переживший к исходу 1930-х постепенное сокращение круга читателей и умерший в нищете в оккупированном Париже 7 декабря 1941, Мережковский не избежал ни многих утопических иллюзий, ни тягот своего века. На его похоронах присутствовало лишь несколько человек, а могильный памятник был поставлен на подаяние французских издателей.

ВОПРОСЫ:

1. Представители русской философии нового религиозного сознания – кто они?
2. В чем обнаруживается влияние идей Вл. Соловьева на его последователей.
3. Цель и темы религиозно-философских собраний 1901 -1904 гг.
4. Главные направления мысли философии нового религ. сознания.
5. Оценка творчества философов «серебряного века».